

МАРКИЗ ДЕ САД

*ЖЮСТИНА,
ИЛИ НЕСЧАСТЬЯ ДОБРОДЕТЕЛИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С14

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *Е. Храмова*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де (маркиз).

С14 **Жюстина, или Несчастья добродетели : [роман] / маркиз де Сад ; [перевод с французского Е. Храмова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).**

ISBN 978-5-17-153614-5

Романы де Сада считались излишне скандальными и откровенными даже по меркам фривольного XVIII века, и за свои взгляды, идеи и поступки маркиз не раз оказывался за решеткой. Именно сидя в заключении в Бастилии, он написал «Жюстину» — одно из первых своих произведений в принципе и первый роман, который ему позволили опубликовать. Правда, без указания авторства.

После смерти родителей набожная Жюстина была бы счастлива провести всю оставшуюся жизнь в монастыре, но судьба распоряжается иначе. Бедная сирота вынуждена покинуть стены обители и оказывается в самом эпицентре разврата. Все окружающие без стеснений обманывают, грабят, убивают и предаются плотским утехам. Девушка устраивается в служанки к самой распутной женщине во всем Париже, попадает в тюрьму и против своей воли становится членом шайки жестоких головорезов, но все это время старается сохранять добродетель и порядочность. Но сможет ли Жюстина и дальше оставаться благочестивой, если, кажется, само ее выживание зависит от обратного?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-153614-5

© Перевод. Е. Храмов, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Тот не преступник, кто изображает Поступки,
что Природа нам внушает.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Введение. Брошенная Жюстина

Подлинной философии следовало бы состоять в том, чтобы раскрывать все способы и средства, которыми располагает Провидение для достижения целей, возложенных им на человека, и вслед затем намечать какие-то черты поведения для несчастного, идущего по тернистой дороге жизни, предостерегать его против всяких причудливых капризов того, что называют то Судьбой, то Роком, то Предопределением, то Случаем, хотя все эти определения столь же ошибочны, сколь и лишены здравого смысла и только затмевают рассудок.

Так, полные пустого, смешного, суеверного почтения к нашим абсурдным условностям, мы, добродетельные люди, встречаем только тернии там, где злодеи срывают розы. Пороч-

ные от рождения или ставшие таковыми разве не убеждаются, что они правы, когда больше рассчитывают на уступку пороку, нежели на сопротивление ему? И нет ли известной правоты в их утверждениях, что добродетель, сколь бы прекрасной она ни была, слишком слаба, чтобы победить порок, что в этой борьбе она испытывает жесточайшие удары, и не лучше ли в наш развращенный век поступать так, как поступает большинство? Не правы ли те, кто, ссылаясь на ангела Жерада или Задина, утверждают, что всякое зло непременно служит добру и, следовательно, погружение в порок является лишь одним из способов творить добрые дела? И не правы ли они, прибавляя к этим рассуждениям еще и то, что природе абсолютно безразличны наши моральные принципы, и поэтому гораздо лучше быть преуспевающим злодеем, чем погибающим героем?

И вот — нимало не скрывая этого — только для того, чтобы подкрепить эти рассуждения, решаемся мы представить публике историю добродетельной Жюстины. Пора наконец дуракам перестать кадить этому смешному идолу добродетели, который расплачивался с ними до сих пор только неблагодарностью. Согласимся,

что ужасно рисовать, с одной стороны, те сокрушительные несчастья, которые Небо обрушивало на существо прелестное и чувствительное, несомненно, заслуживающее лучшей участи, а с другой — изображать тот поток благоденствий, который изливался на мучителей и истязателей нашей героини. Но писатель достаточно мудрый, чтобы провозглашать истину, пренебрегает этими трудностями и, будучи жестоким по необходимости, смелой рукой срывает все занавесы, которые пошлость набрасывает на фигуру добродетели, и показывает человеку, не ведавшему, как он обманут, все радости и сладости того, что глупцы и пошляки именуют развратом.

Таковы чувства, руководившие нами в этом труде, таковы мотивы, заставившие соединить с языком самым циничным самые дерзкие теории, самые грязные, самые безнравственные мысли. Мы хотели изобразить преступление таким, какое оно есть, — торжествующим, счастливым, упоенным собой. Мы хотели изобразить добродетель такой, какой мы встречаем ее в жизни, — всегда униженной, всегда страдающей, всегда стойкой и всегда несчастной.

Жюльетта и Жюстина, дочери весьма богатого парижского банкира, с самого раннего

детства воспитывались в одном из прославленных монастырей Парижа. Они не знали недостатка ни в добрых советах, ни во внимательных учителях — мораль, честь, религия и таланты, казалось, соревновались друг с другом, чтобы сформировать эти юные души.

И вот все это рухнуло в один момент. Жюльетте было пятнадцать, а Жюстине четырнадцать лет, когда ужасающее, непоправимое банкротство обрушилось на их отца. Он не выдержал такого удара и умер от нервной горячки; супруга пережила его всего несколькими днями. У двух сирот оставались только очень дальние родственники, совершенно равнодушные к судьбе детей. Им вручили их долю наследства — она составила около ста экю для каждой, — открыли двери монастыря и предоставили делать все, что заблагорассудится.

Старшая из сестер, прехорошенькая, легкомысленная шалунья Жюльетта, совершенно обезумела от радости покончить с монастырским прозябанием, ничуть не думая об обратной стороне выпавшей на ее долю участи. Более наивная, но и более красивая Жюстина, которой, как мы уже сказали, исполнилось четырнадцать лет, была одарена от природы характером

меланхолическим, и будущее страшило ее. Старшая была изящна и остроумна, младшая обладала душой необычайно чувствительной и нежной до беззащитности. Вместо ловкости старшей у младшей было простодушие, обещавшее ей стать жертвой многих ловушек на ее пути.

Это юное создание напоминало собой прелестных девственниц Рафаэля. Большие карие глаза, полные огня и ума, нежная ослепительная кожа, черты лица, словно вылепленные самим богом любви, чудесный голос, восхитительный рот и самые великолепные на свете волосы — вот весьма приблизительный набросок, который может изобразить наше перо. Пусть наши читатели поверят нам, что трудно найти существо более соблазнительное, более волнующее, чем четырнадцатилетняя Жюстина.

Обеим предстояло через сутки покинуть монастырь. Жюльетта попыталась осушить слезы, потоком льющиеся из глаз младшей сестры. Но вместо того чтобы утешать ее, она стала ее упрекать: обвинила ее в излишней чувствительности. Опираясь на весьма рациональную философскую базу, довольно неожиданную в таком возрасте, обличавшей в ней причудливые игры натуры, она уверяла

сестру, что в этом мире ни о чем не надо скорбеть, что, во всяком случае, можно отыскать в самой себе такие чисто физические возможности, которые доставят столько плотских радостей, столь сильное наслаждение, что все печали забудутся, и надо испытать чудесные способы на практике, чтобы в этом убедиться. Подлинная мудрость, говорила она, состоит в том, чтобы все более увеличивать количество наслаждений, что нет ничего запретного, что, словом, нужно задушить в себе эту проклятую стыдливость, приносящую нам только печали.

— Смотри, — сказала она, бросившись на кровать и задрав перед глазами изумленной сестры выше пояса свою юбку, — вот что я делаю, когда мне становится грустно. Я пускаю в ход свой палец, я получаю наслаждение, и это успокаивает меня.

Добродетельная Жюстина содрогнулась от этого зрелища и поспешила отвернуться, а Жюльетта, продолжая изо всех сил натирать свой чудесный маленький холмик, не умолкая, убеждала сестру:

— Ты дура, Жюстина. Ведь ты гораздо красивее меня, а никогда не будешь такой счастливой!

При этих словах юная развратница застонала, и ее свежий сок полился так же обильно, как лились бы ее слезы, если бы она не прибегла к столь спасительной процедуре.

— Что ты беспокоишься, дурочка, — продолжала сладострастница, вновь устраиваясь подле младшей сестры, — с нашей внешностью и в таком юном возрасте мы никогда не умрем с голоду.

По этому случаю она рассказала Жюстине о дочери одного из соседей, которая, убежав из дому, сделалась богатой содержанкой и чувствует себя гораздо лучше, чем если бы она осталась в лоне семьи. Жюстину эта история заставила задрожать от испуга. Она призналась, что предпочла бы смерть бесчестью, а те несколько новых предложений, которые не преминула сделать ей сестрица, окончательно укрепили ее в решении навсегда покинуть ту, чье поведение внушало ей такой ужас.

На следующий день сестры расстались, даже не пообещав друг другу встречаться, — слишком различны были их дальнейшие намерения. Могла ли Жюльетта, которой предстояло стать гранд-дамой, согласиться принимать у себя столь добродетельную девицу, являю-

щуюся для нее вечным укором? А как могла Жюстина рискнуть встретиться с той, которая посвятила себя беспутству и выставляемому на всеобщее обозрение разврату?

Теперь, с позволения читателя, мы покинем на продолжительное время юную потаскушку, чтобы представить глазам публики все те истории, которые приключились с нашей добродетельной героиней в ее странствованиях по морю житейскому.

Жюстина в детстве была весьма обласкана постоянной портнихой своей матери и не без оснований надеялась на помощь этой женщины. Она отыскала ее, рассказала о своем несчастье, просила у нее какой-нибудь работы... Ее едва узнали, она решительно была отвергнута.

— О Небо! — воскликнуло несчастное дитя. — Возможно ли, чтобы первые же шаги в жизни были столь неудачны!.. Эта женщина так сильно любила меня в детстве, почему же сейчас она отвергла меня? Неужели потому, что теперь я бедная сирота, что мне не на что поддерживать свое существование, а здесь ценят только тех, от кого надеются хоть что-нибудь получить.

Вся в слезах, направилась Жюстина к своему священнику. Она изобразила ему свое

отчаяние со всей энергией и пылом юного возраста, и в этом отчаянии она была прелестна: легкое белое платье, роскошные волосы, живописно сбегавшие по плечам, прикрытым воздушной мадрасской косынкой. Опытный взгляд развратника мог без труда различить под газовой накидкой уже вполне развившуюся грудь. Лицо ее, чуть побледневшее вследствие печали, мучившей ее, слезинки, дрожавшие на ее ресницах, — невозможно было быть прелестней...

— Вы видите меня, сударь, — обратилась Жюстина к святому отцу, — да, вы видите меня в самом прискорбном положении: я потеряла обоих родителей; Небо отняло у меня их в том возрасте, когда мне более всего необходима их помощь, а умерли они совершенно разоренными. Вот все, что они оставили мне, — добавила она, показывая двенадцать луидоров. — У меня нет даже угла, где я могла бы преклонить свою голову. Вы ведь сжалитесь надо мной, сударь, не правда ли? Вы — служитель Церкви, а Церковь — прибежище и приют всех добродетелей. Во имя Бога, которому она служит и которого я обожаю всеми фибрами своей души, во имя Высшего Существа, чьим органом вы являе-

тес, скажите мне, мой второй отец, что мне делать и как мне выбиться в люди?

Внимательно разглядывая Жюстину, милостивый священник отвечал, что приход его очень перегружен, что дела идут слишком плохо, чтобы помочь Жюстине, но если она хочет служить и не чурается черной работы, то для нее всегда найдется на кухне кусок хлеба. Говоря все это, он осторожно поглаживал складку юбки Жюстины и так прикасался к ее ягодичкам, что она, угадав его намерения, резко отодвинулась и воскликнула:

— Сударь, мне не надо ни милости, ни места служанки. Я пришла к вам за другой помощью, пришла за советами, в которых так нуждаюсь теперь, а вы хотите взять с меня за это слишком дорогую плату!

Служитель Христа, взбешенный тем, что его намерения разгаданы и отвергнуты, вскочил с места и громким голосом позвал свою племянницу и ее служанку.

— Вышвырните вон немедленно эту маленькую негодницу! — закричал он. — Вы не представляете, что она осмелилась мне только что предлагать. Столько порока в таком возрасте!.. И кому, мне, человеку... Пусть она уби-

рается отсюда, пусть убирается, а не то я велю ее арестовать!

И несчастная Жюстина, отвергнутая, оклеветанная, обливаясь слезами, покинула дом презренного аббата. Побродив по улицам, она увидела дверь, на которой висело объявление, что на пятом этаже сдается небольшая комната. Она вошла в дом, заплатила аванс и, оставшись одна, залилась горячими слезами, и не только потому, что была чрезвычайно чувствительна, но и потому, что ее гордость в первый же день ее самостоятельной жизни была так жестоко оскорблена.

Но беды Жюстины не были исчерпаны этими огорчениями. В мире есть множество злодеев, которых не только не трогают страдания скромных девушек, а, напротив, лишь побуждают использовать в своих грязных целях их беды. Из всех разочарований, выпавших на долю Жюстины в самом начале ее печальной истории, мы расскажем только об ее встрече с Дюбуром, самым богатым, но и самым жестоким из парижских откупщиков.

Квартирная хозяйка Жюстины направила бедную сироту к господину Дюбуру: такой богатый и благородный человек не может не помочь красивой девочке, оказавшейся в тяже-